

ВИЛЬ ЛИПАТОВ

КЕДРОВЫЕ ТЫКВЫ

Первое чудо, менее чудное, чем второе, случилось с пятницы на субботу, то есть произошло оно, может, в пятницу, а вот наружу вышло в субботу, рано утром, когда еще и коровы до околицы деревни допылить не успели. Старая старуха Головкина, из тех, что у старшего сына мотоцикл с коляской, как только отдала коровенку пастуху Сидору, так сразу — к русской печке. «Сентябрь на исходе, последние теплые денечки на дворе, дай, — думает, — побалую своих пирогами с брусникой». Заслонку от печки в сторону — бряк, спичку — чирк и ладится поджечь растопку. Не горит!

Всю спичку, до ногтей, изожгла старуха Головкина, а растопка не занимается; она — вторую спичку, снова огня нету. «Ай, — думает, — это вьюшка не открыта, будь она неладна, да и я сама стала сильно бестолковая». Нет, вьюшка открыта, сажи на ней мало, так как недавно чистили. Мать честная, что такое? Вот тебе и пироги с брусникой!

На этом месте вошел в кухню старый старик дед Головкин и говорит:

— Здорово бывали, законная жена Анна Петровна! Каково спалось, какие сны привиделись?

Он часто так разговаривал, старый дед Головкин, а причина культурности была такая, что лет пять работал сторожем при клубе и сидел обязательно на всех репетициях драмкружка.

— Печка-то не растапливается! — сказала старуха Головкина. — Хоть убей!

— Она и не растопится, — важно сказал дед Головкин.

— Это как же так?

— А так! — сказал старый дед Головкин. — Никакая печка без трубы растопиться не может.

Старуха так и обомлела:

— Как это без трубы?!

— А без трубы, и все!

Минут через двадцать, а то и раньше у головкинского дома собрался боевой деревенский народ, хотя и семи часов утра не было. Ребятишек этих, школьников, наверное, десятка три приперлось, хотя в восемь, когда надо идти в школу, каждого из кровати щипцами не вытащишь. А здесь орали и галдели, такие были активные, словно и спать не ложились. Ну, со стариками и старухами понятно — эти со своей бессонницей сильно обрадовались головкинской трубе и вышли на происшествие дружно, кучно. Были и другие люди — кто уже к трактору шел, кто на ближние покосы торопился, а тут такое дело — трубы нету!

— Я это чудо вот как изобрел, — рассказывал дед Головкин. — Спускаюсь, значит, к сеновалу, посереде лестницы останавливаюсь, так как у меня в нутре что-то дает толчок. Ай, думаю, а ведь мне в панораме, как говорят по телевизору, чего-то не хватает! Гляжу: трубы! — После этого дед надулся индюком и заорал: — Смотрите, товарищи, трубы нету, пироги с брусникой спечь нельзя! Есть у нас законна власть или нет, что среди ночи у людей печные трубы уводят? Где Федюк Анискин?

— Здесь! — послышался голос участкового инспектора Федора Ивановича Анискина.

Участковый от шести до семи часов утра летом всегда купался, а нынче сентябрь был таким теплым, что и в конце месяца Анискин утренние ванны принимать не прекратил. На шее у него висело большое махровое полотенце, был он в тапочках на босу ногу и еще не просох — вода с головы стекала на лицо и грудь.

Дед Головкин всплеснул руками.

— Так чего же ты стоишь, Анискин, позади всего народу и никаких срочных мер пресечения не принимаешь?! — заорал он опять на всю деревню. — Ты должен осмотр произвести, обмер, обвес. Гляди: трубы-то нету!

Трубы на самом деле не было. Только высывались из замшелых досок два-три острых кирпичных осколка да тянулся вниз белый известковый след. Хорошо была уведена труба, добросовестно, с пониманием дела, и Анискин, пробиваясь сквозь толпу к старику Головкину, цокал языком и осторожно похохатывал.

— Заткнули эти, которые хулиганы, трубу, чтобы пожара не содеялось? — строго спросил он старика. — Заткнули?

— Ой, Федюк, да, еще как заткнули! — почему-то обрадовался старик. — Ты даже в разум не возьмешь, чем заткнули. Они, супостаты, туды целый навильник цветов утрамбовали. Таки цветы, что названия припомнить не могу, хотя память у меня, Федюк, надо тебе сказать...

— Помолчи! — перебил его Анискин и повернулся лицом к толпе: — Я вот, товарищи, сильно удивляюсь, что вы здесь большим числом собрались, а для чего, спрашивается? Так что давайте разойдемся.. Вот которые школьники — кыш домой! Во! Молодцы! Теперь вы, граждане пенсионеры, идите сидеть на свои лавочки... Тоже молодцы! А вот ты, знатный тракторист Максудов, чего не идешь заводить свой трактор? Он у тебя, говорят, три дня назад вышел из ремонту, а

заводиться не хочет... — Когда улица опустела и возле дома остались только четверо, то есть Анискин, старик Головкин, старуха и сноха Головкиных, участковый вытер лицо полотенцем, снова непонятно улыбнулся и сказал: — Еще вот на что я сильно удивляюсь. Как это возможно не слышать, когда у тебя на крыше железным ломиком трубу сшибают? Это ведь мертвый проснется.

Старик Головкин от возмущения начал подпрыгивать, как молодой петух:

— Ну что ты говоришь, Федюк, ну что ты говоришь? Как мы могли твой ломик слышать, ежели вот все трое спим на сеновале? Милиция, а не знает, что мой старший Петр в сильно ответственной командировке, так вот Лизавета одна спать в доме боится.

Анискин смотрел на трубу, все цокал языком и старался не смеяться.

— А остальной народ где был? — спросил он. — Пашка с Витькой где обретаются, ежели их по сию пору дома нету? Это же надо, до семи часов гулевань устраивать! Откуда только силы берутся — вот чего я не пойму?

Разговаривая вот таким макаром, участковый между тем влез по дряблой лесенке на крышу, осмотрел огрызок кирпичной трубы, мазнул пальцем по белому известковому следу и то, что осталось на пальце, понюхал, затем сунул руку внутрь, вынул горсть измятых и черных от сажи цветов, каждый из них рассмотрел в отдельности и только после этого спустился вниз.

— Вы вот что, дед Головкин и все твое семейство, идите-ка вы себе домой, проживайте спокойно, не волнуйтесь, а чтобы пироги с брусничкой спечь, надо на трубу дыряво ведро надеть. Вопросов не имеется?

— Не имеется! — дисциплинированно сказал дед Головкин. — Только вот где дыряво ведро взять?

На это участковый не ответил, так как держал путь к колхозной конторе, возле которой уже стояли председатель Иван Иванович и колхозный сторож Досифей — при валенках и берданке. Оба глядели на цветочную клумбу и поэтому не видели подходящего Анискина.

— Это как называется? — спрашивал председатель Иван Иванович. — Я тебя спрашиваю, Досифей Досифеевич, как это называется? Кто цветы рвал?

— Не знаю, — ответил старик и для куражу, срамец этакий, еще оперся плечом на берданку. — Это, я так думаю, еще до моего выхода на боево дежурство парнишонки своим мадам подарки делали...

Участковый Анискин ласково взял за пуговицу колхозного председателя и сказал:

— Во-первых, здравствуй, Иван Иванович, а во-вторых, освети такой вопрос. У Головкиных ночью трубу увели, так мне шибко интересно знать, сколько тракторов и других машин за сентябрь из капитального, профилактического и другого ремонту вышло? И почему, Иван Иванович, после ремонту машины хуже работают, чем до ремонту?

Иван Иванович сердито нахмурился, но ответил:

— За сентябрь различные виды ремонта прошли четыре машины — это раз! А два — возводить клевету на ремонтную службу я вам не позволю! Нет, не позволю!.. Ты чего смеешься? Ну чего ты смеешься?

Анискин посмотрел председателю в глаза, задумчиво сказал:

— А я и сам не знаю, чего смеюсь. Наверно, вода с головы за шиворот попала или погода шибко хорошая...

Славный сентябрь на самом деле жил на могучей Оби. Розовая от солнца и голубая от себя самой, плавно и мощно текла она в даль-дальнюю, и ни морщинки не было на ней — громадное зеркало медленно двигалось вдоль берегов, отражая темные мудрые осокори, зеленые еще яры, дома, тоже розовые от солнца, леса, молодые еще по-летнему. Снежными хлопьями плавали над рекой чайки.

— Пройдемся по бережку, Иван Иванович! — сладко запел на ухо председателю Анискин. — Заседание у тебя на десять обозначено, нарядами теперь заместитель занимается, ремонт текущий и не текущий ведется, как ты говоришь, полным ходом. Ажур!

Вот так — под анискинские речи — прошли они по берегу до околицы деревни, остановились, чтобы немного передохнуть, но не успели: вдруг за кустами раздался всполошный треск мотора, по звуку похожий на мотоциклетный. Мотор взревел отчаянно, словно в последний раз, и — захлебнулся, замолк.

— Не заводится! — печально сказал Анискин и посмотрел на часы. — С семи часов десяти минут не заводится, холера этакая, а пахать-то надо!

Председатель Иван Иванович уже широко шагал по кочкам к кустарнику, ругался на ходу и почему-то грозил не правой рукой, а левой. Бросившись вдогонку, Анискин понял, в чем дело — в правой руке Иван Иванович, оказывается, до сих пор держал толстую записную книжку, которую вынул, чтобы доказать участковому, как хорошо работает колхозная ремонтная служба.

— В чем дело?

Большой трактор «Беларусь» стоял на краю паханины. Смуглый от рождения и чумазый от масла тракторист Максуд Максудов председателя колхоза и участкового инспектора встретил грубо.

— Пусть с вами колхозный механик здороваются! — ответил Максуд Максудов на приветствие председателя. — Пусть все здороваются, кроме Максуда Максудова! Был трактор как трактор, ходил, бегал, а они приходят, говорят: «Профилактический ремонт!» Хорошо! Ставим трактор на профилактический ремонт, получаем трактор из профилактического ремонта — спрашивается, где трактор?

Председатель все еще держал в руке записную книжку, левой рукой все еще продолжал грозить кому-то, но лицо у него было теперь расстроенное.

— А что не ладится, Максуд? — спросил он.

— Что не ладится?! — вскричал тракторист. — Все не ладится! Масло течет? Течет! Скорости заедают? Заедают! Сцепление пробуксовывает? Пробуксовывает! А как он заводится, как он заводится?!

Максуд бросился к пускачу, вид у него был такой, точно сейчас разнесет трактор вдребезги. Анискин быстро высунулся из-за спины председателя Ивана Ивановича.

— Стой, Максуд! — позвал он. — Сделать из трактора металлолом всегда успеешь, а вот лучше скажи, кто машину ремонтировал. Прямо по фамилиям.

— По фамилиям? Пожалуйста! Перевертыши да Гришка с Мишкой.

— Во! — сказал Анискин. — Я на них и думал.

Перевертышами в деревне называли двух пожилых колхозников — Ивана Анипадистова и Анипадиста Иванова, трактористов еще довоенной поры, год назад торжественно отправленных всем колхозом на почетную пенсию. Однако долго они на печи не высидели, добились, чтобы их взяли на ремонтные работы, и вот командовали двумя парнями — Гришкой и Мишкой.

— Да, факт имеется, — сказал Анискин, — трактор не заводится, сцепление пробуксовывает. — Он почесал мокрые волосы и озабоченно поцокал языком. — Ну, ладно, Иван Иванович, ты, я вижу, будешь со скоростями разбираться, а у меня на это времени нету. У меня, брат, печну трубу увели. Вот какое чудо приключилось!

После этого участковый повел себя странно: пошел не к дому Головкиных, где печная труба, а напрямик дошагал до своего служебного помещения, проворно скрылся в нем и — притих. До самого обеда — вот что интересно! — участковый никуда не выходил и только дважды показывался в окошке. Распахнет створки, облокотится на подоконник и минут пять задумчиво и грустно смотрит на реку и старые осокори, морщит при этом лоб, цокает языком и головой покачивает.

А в полдень участковый Анискин из помещения вышел и, помахивая планшеткой, насвистывая — фуражка набекрень! — пришел к колхозной конторе, где в это время обычно собирался разный народ. Кто с вопросами к руководству, кто проверить трудодни, кто наряды получать, а кто просто так, потолкаться. Увидев участкового, все, конечно, загалдели насчет печной трубы.

— Тиха, граждане, тиха! — сказал Анискин и сел на боковину крыльца. — Про то, где есть труба, соответствующие органы давно знают, а вот вы мне скажите, чего здесь чудного, что трубу увели? А?

Участковый обвел взглядом прохлаждавшийся народишко и вдруг помрачнел. Это он заметил среди прочих одного из Перевертышей, то есть бывшего тракториста, а теперь слесаря по ремонту. Перевертыш сидел на бревне, курил «беломорину» и от скуки зевал.

— Во! — сказал Анискин. — Сидит, рот дерет, а у Максуда трактор не заводится. Эх, ты! А еще сельхозвыставку в Москве перед войной открывал... Ты, Иван Анипадистов, то есть — тьфу! — ты, Анипадист Иванов, на меня сердито не гляди, я сам ныне сердитый — трубу-то увели!

Перевертыш и ухом не повел.

И тогда Анискин повернулся к остальному народу, насмешливо махнул рукой и спросил:

— Какое это чудо, что трубу увели? Это плюнуть и растереть! Вот чудо было, скажем, если бы на этой вот кедре тыквы выросли.

И участковый показал на голенастый кедр, что рос на задах конторы в полном одиночестве — не уличный, не хозяйский, а такой кедр, что просто не срубили.

— Вот это было бы чудо! — насмешливо сказал Анискин. — А трубу разобрать — это просто смех берет! Это, как я смекаю, малоразумны ребятишки производят. Вот тыквы на кедре — да!

Еще раз махнув рукой, участковый поднялся, усмехнулся в сторону скучающего Перевертыша и пошел себе неторопливо обратно в служебное

помещение. Вид у него со спины был такой, словно Анискин говорил: «Эх вы, мелко пашете! Мелко, граждане, пашете!»

А наутро второе чудо приключилось. На кедре, что стоял нигде, выросли тыквы.

Не тридцать — сорок человек, как при печной трубе, собрались на задах колхозной конторы, а все сто. Надо же, выросли тыквы на кедре! По, две-три штуки висели на голенастых ветках, и даже вблизи не было видно, чем и как привязаны. И конечно, впереди всех стоял потерпевший — нестарый старик Мурзин, тыквенный хозяин. Кроме него, в деревне никто тыквы не сажал. Дед Мурзин за своими тыквами ходил, как за грудником, всем уши прожужжал, что вкуснее тыквенной каши на свете только одно — мармелад. Сейчас, стоя под кедром, нестарый старик Мурзин сиял ярче солнца — он такой был, словно у него не тыквы увели, а какой-нибудь орден ему присудили.

— Глядите, граждане, глядите! — призывал старик Мурзин. — Ветка толще толстой, а от двух тыквов гнется. Гляди, народ, она так гнется, что вот-вота хрустнет — не выдерживает ветка двух моих тыквов!

Деревенский народ ко второму чуду отнесся не так, как к первому. Хохот и шум вокруг тыквенного кедра стоял оглашенный, ребятишки от восторга визжали и катались друг на друге, старики и старухи хихикали и бросали насмешки в адрес нестарого старика Мурзина, а люди средних лет, поглядев на кедр, с улыбками шли дальше по своим делам.

— Я уж, граждане, собирался тыквы в погреб класть; думаю, еще день-другой перегожу, — докладывал дед Мурзин, — а тут оно вот и содеялось...

На этом месте доклада и появился участковый Анискин, посмотрел на тыквы и вдруг громко и радостно захохотал; он так развеселился, что стал походить на деда Мурзина, то есть был такой довольный, радостный и даже счастливый, точно ему тоже должны были какой-нибудь орден присудить. Анискин дохохотался до икоты и более в поясице, потом, держась за спину руками, повернулся к народу и сказал:

— Граждане! Хулиганы выявлены! Завтра труба и тыквы возвернутся на законные места. Прошу всех разойтись! Чудеса, граждане, закончены! — Он помолчал и вроде бы с сожалением прошептал: — Не будет больше чудес...

Ночь не ночь, вечер не вечер, а так себе — лунная темнота была, когда участковый Анискин и председатель колхоза Иван Иванович подходили к большому и темному зданию мехмастерских.

Луна, кособокая и льдистая, ушла за тонкое облако, позеленела, и, наверное, поэтому мир казался зеленым, мягким и теплым. Ночные птицы уже поцвиркивали в сосняке, вокруг фонаря на столбе мошкара кружилась, а через Обь тянулась, словно к небу, тоже зеленая и теплая полоса. О молодости думалось: о белой косынке в темноте, о балалайке, что говорит: «трень-брень, трень-брень»; о белых пароходах и черных лошадях грезилось, о красной рубашке; мечталось о морях, океанах и о горе арбузов, теплых и полосатых.

— Не фыркай, не ворчи! — шепотом попросил Анискин колхозного

председателя. — Зря не поведу, сам знаешь...

— Я же иду! — ответил председатель. — Шагаю.

И на него, наверное, тоже действовали зеленый свет, голоса из сосняка, тишина Оби, берегов, тайги, которая была за ближней тайгой; наверное, и та тайга слышалась тишиной, которая была за самой последней тайгой.

— Ну, вот и пришли! — прошептал участковый. — Глянь, Иван Иванович, как они окно-то плохо завесили!

На самом деле, из единственного окна пристройки к мастерским вырывался тоненький лучик. Увидев его, председатель только охнул:

— Это что такое?

— А вот сейчас увидишь, что это такое! — грозно пробасил участковый и рванул на себя дощатые двери. — Руки вверх! Ай-ай, как они испугались!

В пристройке когда-то была конторка механика, потом ее забросили, забыли, но вот за покосившимся столом при свете очень сильной электрической лампочки сидели четверо и играли в карты. Появление участкового было таким неожиданным, что игроки даже карты не успели спрятать. Глядели на вошедших и молчали.

— Не хотят поднимать руки, — укоризненно сказал участковый. — Они недовольны, что мы карточную игру спортили. У них сейчас, может, такой вопрос решается: разбирать проигравшим на части колхозную контору или Обишку повертывать в Каспийское море?

За покосившимся столом сидели Перевертыши и Гришка с Мишкой. Перевертыши, то есть Иван Анипадистов и Анипадист Иванов, были мужчинами лет за шестьдесят, но такими здоровыми и цветущими, что и пятидесяти не определишь. Волосы у них, правда, буйно поседели, темнели у глаз морщины, но все другое — помрешь от зависти! Щеки под загаром румянятся, грудь — колесом, ручки — кузнечные молоты, спины — прямые, точно до сих пор не вышли из солдатского строя. На грозное начальство Перевертыши глядели весело, словно не участковый с председателем явились, а цирк приехал.

— Здорово, Федор! — сказал Иван Анипадистов.

— Присаживайся, отдохни! — предложил Анипадист Иванов.

А вот Гришка с Мишкой — они специальный техникум кончали — на пришедших поглядывали с опаской, головы тянули. Им было чуть за двадцать, были они от пеленок местными, и еще в детстве Анискин их различал по носам. У Гришки носа вроде совсем не было, а у Мишки, наоборот, не нос, а целый, как говорится, рубильник. В остальном парни были обыкновенные, деревенские.

— Раз приглашают, значит, сядем отдохнем, — сказал участковый и пристроился на лавочку, что стояла вдоль стены. — Иван Иванович, присаживайтесь, просят же хорошие люди...

Перевертыши по-прежнему улыбались, Гришка с Мишкой тряслись от страха, председатель Иван Иванович печально хмурился.

— Вот, товарищ колхозный председатель, — сказал Анискин, — по какой причине у Максуда Максудова трактор не заводится. Они всю ночь в карты дуются, а потом днем ходят, ровно сонные мухи. Вот у Максуда трактор и не заводится! — Участковый тоже разулыбался. — Во! Гляди, что делается! Молчат!

Михаил, Григорий, немедля отвечайте: кто трубу снимал? Вы или ваши старшие товарищи? Кто, спрашиваю, проигрался?

Парни переглянулись, зажмурились, но стиснутых губ не разжали.

— Молодцы! — восхитился участковый. — Своих не выдают. Ну, молчите, молчите, ровно я сам не знаю, что Иван с Анипадистом, когда полк в резерве стоял, целый взвод без подштанников оставили! — Анискин покрутил пальцем. — Они так играют, словно карты видят. Мастера! — Участковый повернулся всем телом к Перевертышам. — Иван, Анипадист, неужто вы не чуяли, что я вас давно засек, да еще на тыквах провокацию сделал? Неужто на пенсии до того поглупели, что моих кругов не замечали? А?

— Замечали, — спокойно сказал Иван Анипадистов, — Ты нас, Федор, еще тогда засек, когда мы на деньги играли. Гришка с Мишкой без рубля в кармане ходили, вот ты нас и закрючил. Правильно?

— Ну, правильно! — согласился Анискин. — Чего же вы тогда лавочку не прикрыли? Деньги ребятам вернули, так с чего принялись играть на трубы да на тыквы? Ну с чего, Иван? С чего, Анипадист? — Нестерпимо ярко светила лампочка, лежали в углах резкие тени, стояла такая тишина, что слышно было, как Обь текла. Молчали Перевертыши, долго молчал Анискин. Потом тихо спросил: — Иван, Анипадист, а может, вам шуму хотелось, скандалу? Может, вы нарочно добивались, чтобы вся деревня дыбом встала?

После этих слов Перевертыши, казалось, сделались еще прямее прежнего, но улыбки постепенно исчезли, лица посуровели, потемнели, а скулы выперли, точно мужики стиснули зубы.

— Может, и так, Федор! — глухо сказал Анипадист Иванов. — Может быть, ты и правый!

Совсем тихо сделалось в старой пристройке, и так было до тех пор, пока участковый не поднялся. Он вздохнул, pokrивился, но сказал весело:

— По губам вижу, сегодня обратно Гришка с Мишкой проигрались. За это им трубу придется назад возвертать. И тыквы с кедры деду Мурзину в погреб стаскать. Это вы ему уборочные работы произведете. Он хоть и нестарый старик, а все одно тяжело ему с громадными тыквами возжаться. — Участковый взял за локоть председателя: — Иван Иванович, пока здесь карты рвут и думают, что им милиция за хулиганство определит, выйдем на минутку — разговор имеется.

На дворе теперь не было той зеленой лунности, от которой под сердцем пошевеливалась грусть и радость, но еще звонче прежнего катилась вместе с рекой в беспечность пора бабьей осени, вся в розовых прожилках желтеющих листьев, запахах увядания и благоухающего тепла. И опять думалось о том, что не вернешь, да и возвращать не надо, так как за осенью идет зима, а за зимой — лето. И уже совсем по-ночному чирикали в сосняке птицы.

— Жизнь, она такая, что не разберешь — какая! — тихо сказал Анискин, ярко освещенный желтой луной. — Мы Перевертышей на пенсию с музыкой провожали, а про них-то самих не подумали. Ну как жить им без тракторов, если каждое утро за околицей моторы гудят? Им самим на тракторы хочется. А? — Он помолчал. — Вот и мне скоро на пенсию...

Золотая полоса лежала на Оби, слегка пошумливали листвой три старых

осоко́ря на берегу, лаяла собака на краю деревни; так она лаяла, с такой тревогой и тоской словно за околицей бродили волки. Но кончался сентябрь, теплый сентябрь, и волки к деревням не подходили.